

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

И.И. ТИХОМИРОВА,
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

Право не читать: что из этого следует

Начну с факта, которым поделилась со мной библиотекарь одной из петербургских школ.

По случаю столетия со дня рождения Агнии Барто библиотекарь пришла в первый класс, чтобы рассказать детям об этом поэте. Предварить свой рассказ она решила игрой «Начинаю — продолжайте». С полной уверенностью, что школьники хорошо знают стихи Барто и будут отвечать хором, она начала: «Наша Таня громко плачет...». Но вопреки ожиданиям, хора не последовало. Недоумевая, библиотекарь произнесла строчку другого стихотворения: «Уронили мишку на пол...». Класс продолжал молчать. «Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...». Никто не подхватил и эти строки.

Не может быть, думала она, чтоб стихи, включенные в репертуар чтения детей до трехлетнего возраста, на которых выросло не одно поколение, ни разу не слышали нынешние семилетние. Но повторение этой игры в другом первом классе ситуацию подтвердило. Об этом парадоксальном случае я рассказала своей коллеге. Каково же было теперь мое удивление, когда я от нее услышала: «Ну и что? Подумаешь, не читали Барто. Какой пустяк! Разве это так важно? Ну не знают и не знают. Их жизнь от этого не зависит. Французский словесник и писатель с мировым именем Даниэль Пеннак прямо сказал: “Ребенок имеет право не читать”. Его мнению можно доверять. На Западе многие вообще не читают, а живут хорошо». Честно признаюсь, это суждение обескуражило меня не меньше, чем библиотекаря незнание школьниками стихов Барто. Я думаю, даже больше: ведь я услышала их из уст специалиста по чтению.

Тем из читателей, кому приведенный пример также показался пустячным, хочу привести еще

один, может быть, он впечатлит больше. Речь идет уже не о первоклассниках и их «стиховой» неграмотности, а о призывниках в армию и об элементарном неумении читать. За десять дней нынешнего весеннего набора, как я услышала по радио, в Петербурге и Ленинградской области выявлено 186 юношей, абсолютно не умеющих читать, из числа которых 36 петербуржцев. Предполагаю, однако, что и этот пример кто-то не воспримет как сигнал катастрофы. «Ну и что, — могут сказать они, — ребята воспользовались правом не читать: цивилизация предоставила человеку столько возможностей для развития, что умение читать уже ничего не решает. Как говорит статистика, половина населения России не читает, и никто от этого не умер». Мои предположения о такого рода суждениях вполне реальны. Стоит прочесть мнение восьмиклассника одной из питерских гимназий, опубликованное в школьной газете «Башня», чтобы убедиться в этом. «Я не читаю книг, — пишет он, — во-первых, потому что они навязывают свое мнение. Во-вторых, авторы искажают действительность, придумывая то, чего не существует. А в-третьих, мне интересней получать информацию из других источников. Например, посидеть в Интернете, посмотреть телевизор, встретиться с интересным человеком. От этого получаешь больше удовольствия, чем от книги. Еще не надо забывать о друзьях, с которыми можно послушать музыку, сходить в кино. Я активный человек, сидеть и читать не для меня. Я жалею тех, кто читает. Они вредят своему здоровью. Вот почему я не читаю книг». Можно было бы оправдать рассуждение мальчика юношеским максимализмом, неопытностью, и не воспринимать его всерьез, если бы не подтверждали его некоторые деятели от науки. На конференции, посвященной культуре чтения, профессором-филологом Петербургского университета было высказано следующее: «Запомните: ребенок тоже человек, и у него есть права, в частности, право на выбор. Вокруг идет

жизнь. Не нужно превращать книгу в фетиш. Рано или поздно приходится признать, что декларируемые изменения уже произошли. Так зачем же, если они произошли, сидеть в каменном веке и пытаться остановить нас там же? Книга перестала быть единственным источником знаний. Таких источников теперь много: кино, телевидение, компьютер, музыка, учитель, друг, — и все они равноправны».

От данного высказывания с его аргументацией просто отмахнуться нельзя. Эта позиция взвешенная. С ней можно столкнуться и во властных структурах, подобные речи можно услышать с высоких трибун.

Чего стоит, например, фраза, прогремевшая на всю Россию: «Я мэр — и не читаю». Практический результат этой позиции нам хорошо известен: на наших глазах одна за другой ликвидируются детские библиотеки.

Если ребенок овладел техникой чтения и ему, кроме информации, ничего не надо и если у него есть дома компьютер и выход в Интернет, то своим правом не читать книжный текст он может воспользоваться без урона себе. Другое дело, если он не умеет читать вообще, тогда его не сможет выручить никакой Интернет с его гипертекстом, который тоже надо уметь читать. Следствием неумения читать является как минимум функциональная неграмотность, т. е. неспособность гражданина цивилизованного общества исполнять свои элементарные профессиональные, общественные и жизненные обязанности. Функциональная неграмотность, с которой Запад столкнулся раньше, чем Россия, причислена к одному из факторов риска современной цивилизации. **Между неумением читать и катастрофами обнаружилась прямая связь.** Применительно к России о последствиях права не читать хорошо сказал Председатель Совета Федерации Сергей Миронов: **«С населением, которое вообще ничего не читает, наша страна окажется неспособной к динамическому развитию и самоосмыслению, и мы не сможем ответить на глобальные вызовы современного мира».**

Тем, кто не способен мыслить в глобальном масштабе, а думает только о себе самом, полезно было бы знать о последствиях «права не читать», если понимать эту формулировку в прямом смысле, а не в противоположном, на какой рассчитывал Пеннак. **Физиологами установлено, что у нечитающих людей снижена скорость биотоков в мозгу.**

Неработающий в полную силу мозг ослабевает, атрофируется, «заболевает». Заболевание мозга перекидывается прежде все-

го в нравственную сферу. Как говорил Ф. Тютчев: **«Всякое послабление умственной жизни общества неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов».**

Именно чтение, более чем что-либо другое, дает максимальную нагрузку мозгу человека, спасает его от узости представлений, а вместе с этим — от душевной черствости, от нетерпимости, ксенофобии, от интеллектуального оскудения. Неслучайно говорят, что борьба с террором и коррупцией должна начинаться с чтения ребенка. **Ведь беда не в том, что ребенок, доживший до семи лет, не знает строк Барто, а в том, что он не пережил вместе с этими четверостишиями жалости к упавшему Мишке, у него не возникло нравственного импульса вылечить его, прижать к себе, утешить. Он не испытал того, о чем поведала мне одна**

**ФИЗИОЛОГАМИ
УСТАНОВЛЕНО,
ЧТО У НЕЧИТАЮЩИХ
ЛЮДЕЙ СНИЖЕНА
СКОРОСТЬ
БИОТОКОВ
В МОЗГУ.**

студентка, вспоминая свои первые читательские впечатления, которые связаны у нее со стихами Агнии Барто: «Я знала все стихи наизусть и все же просила бабушку еще и еще раз перечитывать их. Стихотворения в четыре строчки мне казались

очень большими и наполненными длинными и важными событиями. Я сочувствовала Тане, у которой мячик упал в воду, я переживала за бычка, который вот-вот должен упасть, и мне хотелось помочь ему пройти по доске без боязни. Я отождествляла себя с героями стихов и жила их жизнью. Сейчас я поражуюсь, какое богатое содержание я вкладывала тогда в эти простенькие стишки».

Приходится только сожалеть, что этого «богатого содержания» не узнали наши дети в свое время, когда душа ребенка особенно восприимчива. В силу особого свойства мозга малышей, называемого в психологии импринтингом — впечатыванием в мозг ранних, окрашенных положительными эмоциями впечатлений, идущих не только от печатных строк, но и от родного голоса матери, остающихся в памяти до конца жизни, влияние чтения на маленького ребенка сильнее, чем на подростка или взрослого.

Вот почему я переживаю за этих первоклассников и еще больше — за будущих солдат, которые, дожив до 18 лет, не познали исходящей от книги радости сопереживания за других людей, радости открытия в другом самого себя, а в себе — другого. Ведь нечитающих, ущербных душой солдат, как и школьников, в ком не выработаны

навыки самостоятельной мысли, формируемые в процессе чтения, легче вовлечь в дедовщину, в те или иные преступные группировки, легче наравить на людей иного цвета кожи, спровоцировать их деструктивное поведение.

Надо сказать, что нечтение отражается и на чисто практической стороне жизни человека. Разве мог бы, например, абитуриент факультета журналистики, о котором рассказал недавно на страницах «Литературной газеты» Эдуард Графов, сделать во вступительном сочинении 129 ошибок, если бы он читал и языковой и лексический навык формировался бы у него с детства. **Я искренне сочувствую ему. Как сочувствую всем, кто вошел в число 18% из поступавших в вузы в прошлом году и получивших за сочинение единицу. И тем золотым медалистам, которые получили тогда же за сочинение двойку. Это говорит не просто об их безграмотности, это говорит еще об их душевном изъяне, рожденном пренебрежением к чтению.**

На недавней конференции, проходившей в Петербурге и посвященной 70-летию психолога А.А. Леонтьева, профессор Е.В. Аверина, выступавшая с докладом, разделила людей на три типа: «человек-собака» — тот, кто все понимает, а сказать не может, «человек-магнитофон» — говорит, но не понимает, что говорит, и «человек нормальный» — тот, кто говорит и понимает, что говорит. Но я прибавила бы еще один тип, когда человек не говорит и не понимает. И это не глухонемые и не олигофрены. Это просто нечитающие люди. Показательный пример — Эллочка-людоедка из романа Ильфа и Петрова. Она знала всего тридцать слов, но чаще всего пользовалась только одним — «хо-хо».

Неумение сегодняшних молодых выразить себя в слове — стало приметой времени. А вот еще одна грань реализации права не читать, взятая из реальной жизни. Известная молодая актриса участвовала в игре «Как выиграть миллион». Ей предстояло ответить на вопрос, связанный с героями романа Толстого «Война и мир». Она замялась. Было видно, что она не знает ни одного. Показателен ее ответ на вопрос ведущего: «Читали ли Вы роман?» — «Вы что, издеваетесь? — конечно, нет!» — гордо заявила она, человек, имеющий высшее актерское образование. Заметим, нечтение стало возводиться в достоинство.

Подтвердил это Михаил Задорнов. Он как-то из любопытства спросил девушку, с которой оказался рядом в транспорте: «Что вы теперь читаете? И получил ответ: «Дура я, что ли, чтобы читать!». Вот такую резолюцию чтению — читают

только дураки — выносит наша молодежь, из которой в скором времени будут отцы и матери.

Стоит ли удивляться, что у нас растет непомерное число коррекционных школ в стране. Только в Псковской области, как поведала моя дипломница, работающая в такой школе, на сегодняшний день их несколько десятков, и каждый год прибавляется по одной. Она же выяснила: почти ни в одной семье, где растут такие дети, нет детских книг, и никто им никогда дома не читал. В школе же они только к пятому классу начинают овладевать техникой чтения, на уровне того определения, какое дал в 30-х годах XIX века, когда Россия была неграмотна, Владимир Даль: «Чтение — это разбор письма, писанного или печатными буквами». Для обихода может быть достаточно и «разбора письма», но для того, чтобы стать высокообразованной личностью, способной, как сказал С.Миронов, «к динамическому развитию и самоосмыслению», таких умений мало.

Да, ребенок имеет право не читать, как и читать. Но тогда он стоит перед выбором, более важным — выбором собственной жизненной судьбы. Кем и каким ему быть. Быть ли уважаемым членом общества, двигающим прогресс, или довольствоваться «гносно-эгоистическими наклонностями», подниматься до высот культуры или погрязнуть в потребительстве, быть создателем человеческих ценностей или разрушителем их. Самому ребенку с его малым жизненным опытом этот выбор осуществить сложно. Он не предвидит его последствий. Реальная жизнь, экран телевизора и Интернет формируют у него идеалы не только благородных людей, но и «отморозков», «ночных бабочек», бандитов, фанатов, скинхедов, сатанистов. У ученых возник даже новый термин — «социальная экология», от которой зависит здоровье общества и даже жизнь на Земле. Если мы не сумеем негативные идеалы молодежи превратить в позитивные, Россию ждет печальное будущее. И здесь мы опять выходим на чтение как на спасательный круг для отдельного человека и страны в целом.

Однако для дальнейшей социальной сохранности человека как духовного существа чтения, обеспечивающего лишь функциональную грамотность, — мало. Как мало и «разбора письма» и получения информации из текста. Нужно чтение другого уровня, каким оно всегда было в России, — одухотворяющим, нравственным, творческим, соответствующим духу самой русской литературы.

Сейчас много говорят о чтении, о необходимости поддерживать его, особенно у детей, о со-

здании национальной программы «Чтение». Необходимость конструктивного решения в этой сфере, привлечение к нему государства давно назрела. Боюсь только, что мы с программой уже опоздали. В интеллектуальном, духовном, нравственном плане мы потеряли уже не одно поколение. Разрушительные тенденции опережают созидательные. Но если исходить из пословицы «Лучше поздно, чем никогда», тогда, с учетом современных условий, необходимо многое уточнить. Прежде всего, обозначить целевую установку.

Во имя чего мы печемся о чтении? Если во имя функциональной грамотности — это одно. Тогда достаточно обучить всех технике чтения и бросить силы государства на ликвидацию безграмотности. Если мы говорим о более высокой и более значимой для России ценности — о чтении как явлении культуры — это другое и более сложное дело. Тогда непременно встает вопрос, поднятый еще в свое время Ушинским, — *Что и Как читать.*

Когда мы произносим слово «чтение», то ассоциации возникают разные. У одних чтение ассоциируется с великой литературой, возвышающей личность, возвеличивающей гуманность, добро и красоту, у других чтение связывается с литературой, принижающей человека, идеализирующей человеческую мерзость, формирующей цинизм по отношению к нравственным ценностям. Даже если речь идет о первом варианте, то и это еще не все — еще важно учесть, как и ради чего читается эта литература. Ради сочинений и сдачи единого государственного экзамена — это одно чтение, ради радости собственного роста — это совсем другое. Чтение как ценность — понятие неоднозначное и переменчивое. Шкала ценности чтения меняется в зависимости от того, что вкладываем мы в это понятие: сводим ли мы его к информации, к функциональной грамотности, к потребительскому смыслу или рассматриваем как духовную составляющую жизни. Неоднозначность и переменчивость ценности чтения зависит как от качества читаемой литературы, так и от уровня восприятия читателя. Со всей очевидностью можно сказать: чем выше уровень читаемого произведения, с одной стороны, и активность восприятия — с другой, тем выше и значение чтения.

Нынешние дети — заложники низкопробной «рыночной» литературы. Из средства гармоничного развития сердца и разума книга превратилась в средство, которое подчас стимулирует у ребенка эгоистические инстинкты, идеализирует модель девиантного поведения, заполняет досуг пустой «развлекаловкой». В

этом случае право подростка не читать такую литературу надо только приветствовать как результат осознанного выбора, сформированного критического мышления и развития духовных потребностей. В этой позиции его поддерживает сам Белинский, утверждавший, что лучше ничего не читать, чем читать плохую литературу. Сама по себе позиция «не читать» опасна тем, что можно с водой выплеснуть и ребенка. В одном случае ее стоит поддержать, в другом — опровергнуть. Поддержать, когда речь идет о литературе, разрушающей личность, и опровергнуть, когда в руках у ребенка гуманное, высокохудожественное произведение. Исходить из права не читать во втором случае — губительно для личности ребенка. Отстаивать такую позицию — значит лишить растущего человека духовной силы, гасить на корню его интеллектуальный и творческий потенциал. **Чтению, возвышающему личность, нет альтернативы.** Оно спасительно и для самого ребенка, и для России в целом. Когда мы говорим о поддержке чтения, его стимулировании, то о таком именно чтении мы должны вести речь. Разговор о поддержке чтения *вообще*, без учета его качества и назначения, его плюсов и минусов, без учета мотивации обращения к книге — мало продуктивен.

Надо сказать, что есть в России библиотеки, которые в полной мере осознали право ребенка читать или не читать. К их числу принадлежит Липецкая областная детская библиотека, взявшая курс на воспитание *талантлив*ого читателя, поставившая своей задачей отделить зерна от плевел как в содержании чтения детей, так и в восприятии ими прочитанного.

Было время, когда о талантливом чтении говорили много и всерьез. Когда в педагогике первую скрипку играл Сухомлинский — великий гуманист и романтик советской эпохи. Когда в «Ленинке», возглавляемой О.Чубарьяном, процветал дух высоких идей. Когда рекомендательная библиография, создаваемая такими асами, как Ю.Зубов, А.Трубников, Н.Добрынина, достигла небывалых высот. Когда в библиотечной работе с детьми взошла звезда Л.Беленькой с ее монографией «Ребенок и книга», уже в первой строчке которой была сформулирована цель — воспитание «талантливого читателя».

Сегодняшний мир — иной. Компьютер и телевизор отняли у детей время на чтение, «замусорили» его сознание. Родительское чтение в семьях сошло почти на нет. Читательские достижения детей в начальной школе стали измеряться секундомером. Преподавание литературы в

средних и старших классах в объеме двух часов в неделю отторгло подростков от полноценной литературы и от чтения в целом. Рыночная литература испортила вкусы детей и внесла хаос в их сознание. Эти и другие негативные явления, казалось бы, безнадежно увели общество от проблемы талантливого чтения: не до жиру — быть бы живу. Однако как раз эта безнадежность и явилась толчком для появления роста иных ценностей. Ценностей культуры чтения. **Проблема информационной безопасности детей и сохранения нравственности привели к необходимости думать не столько о количественных аспектах чтения, сколько о качественных.**

Нехватка времени у детей, особенно у школьников, на чтение заставила беспокоиться о том, чтобы в руки их попала полноценная литература и чтобы она максимально содействовала развитию ума и сердца ребенка. Из этого убеждения и возродилась проблема талантливого чтения. Она возродилась на почве тех библиотек, которые всегда были лидерами в поисках новых путей к читателю, думающих о завтрашнем дне России, ее духовном богатстве и интеллектуальном потенциале.

Неудивительно, что именно Липецкая областная детская библиотека, с присущим ей инновационным мышлением, не переставала развивать российские традиции высокой читательской культуры. Она одна из первых осознала, что развитие в ребенке способности к талантливому чтению, адекватному талантливой книге, — это путь к спасению его от растлевающего влияния низкопробной массовой литературы. Это одновременно и экономия времени ребенка, растрачивающего его на ничтожный ширпотреб. Это и обеспечение его информационной безопасности: именно талантливый читатель способен сказать хорошей книге «да», а чтиву — «нет». Это и гарантия возрождения духовности нового поколения, достойного великой литературы и великой страны.

Мне удалось побывать в этой библиотеке и выступить на межрегиональном семинаре «Как воспитать талантливого читателя», состоявшемся осенью 2005 года. Я была поражена глубиной и виртуозностью методики воспитания читательского таланта в этой библиотеке, которая продуманно подошла к его реализации, начиная с чтения самих библиотекарей. Талант читателя здесь начинается с таланта библиотекаря, с вовлечения в реализацию этой идеи родителей, с неординарности подходов и решений, с поражающих воображение метафорических придумок и игр, направленных на

рекомендацию лучших книг без назидания и на пробуждение желания у ребенка читать хорошее, а не плохое. Но не будем вдаваться в подробности — опыт этой библиотеки в воспитании талантливого читателя заслуживает особого разговора. Скажем лишь, что эта проблема имеет прямое отношение к поднятой мной теме «читать или не читать».

В настоящее время готовится к изданию составленная мной хрестоматия «Школа чтения», состоящая из воспоминаний известных людей России о своем детском чтении.

Когда читаешь эти воспоминания, то суждение «Ребенок имеет право не читать» отпадает само собой. И рождается другая формула: **«Чтение великой литературы способно рождать великих людей».**

На основе анализа собранных воспоминаний я попыталась ответить на мучивший меня вопрос: как совершается сам механизм действия книги на внутренний мир читающего человека и как она влияет на его жизнь? И пришла к выводу: именно здесь, в процессе самого чтения и в ответной рефлексии читателя формируется личность. Здесь оттачивается самостоятельная мысль, здесь зарождаются высокие чувства и стремления, здесь воспитывается и раскрывает свое богатство душа, здесь обостряется самосознание, здесь зарождается импульс к творчеству и к служению своему Отечеству. **Все самое светлое, чистое, высокое и человеческое в человеке зарождается первоначально с голоса читающей матери, а позже — в самостоятельном чтении. Ибо в основе чтения лежит Слово, сверкающее всеми красками, всеми оттенками чувств, всем богатством человеческой души и интеллекта.**

Кто-то все же скажет: можно быть умным и не читая. На это хочется ответить метафорической фразой уже упомянутого Эдуарда Графова, какой он закончил свою статью «На конвейере — неучи»: «Колесо, к примеру, они ведь нам не придумают!».

Подчеркнем еще раз: разобраться в праве читать или не читать и его последствиях сам ребенок, пока он мал, не может. Помочь ему осознать это, пробудить интерес к чтению лучших книг и талантливо их прочесть — задача взрослых, будь это родитель, писатель, издатель, учитель, библиотекарь, задача всех, кто верит в силу чтения и болеет душой за возрождение культуры и интеллектуальной мощи России.